

Психологические науки

УДК 159.9

АНТРОПОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-ПОТРЕБНОСТНОЙ ДИАГНОСТИКИ ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТИ К КОРРУПЦИИ. ЧАСТЬ II. ЦЕННОСТНО-ПОТРЕБНОСТНАЯ ДИАГНОСТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВИДОВ, ПРЕДРАСПОЛОЖЕННЫХ К КОРРУПЦИИ¹⁷

В.Г. Морогин, Хакасский государственный университет
им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия), e-mail: morogin_vg@khsu.ru

Аннотация. Предлагаемая в статье модель человеческих видов, предрасположенных к коррупции является одной из прикладных реализаций теории ценностно-потребностной сферы личности. Прототипом системы ценностно-потребностной диагностики человеческих видов, предрасположенных к коррупции является авторский продукт В.Г. Морогина «Компьютерная программа психологической диагностики этнической идентификации и этнической идентичности». Ценностно-потребностная диагностика человеческих видов, предрасположенных к коррупции даст возможность выявлять лиц, склонных к коррупции, претендующих на занятие руководящих должностей в государственных учреждениях, бизнес-структурах и СМИ, а также среди кандидатов в народные депутаты любого уровня, а разработанная на основе ее результатов технология «антикоррупционной психопрофилактики» позволит искоренить коррупцию в государственных и общественных учреждениях.

Ключевые слова: коррупционная психодиагностика,

¹⁷ Материал рекомендовала кандидат психологических наук, доцент О.Ю. Гребешкова, выпускающий редактор номера (Абакан, Россия).

антикоррупционная психопрофилактика, ценностно-потребностная сфера личности (ЦПСЛ), общественная подструктура ЦПСЛ, родовая подструктура ЦПСЛ, лично значимая ценность, коррупционно опасная ценность, коррупционно безопасная ценность, симультанная тахистоскопическая экспозиция, сукцессивная тахистоскопическая экспозиция, общественный коррупционный профиль, родовой коррупционный профиль.

ANTHROPOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL BASES OF VALUE-NEED DIAGNOSTICS OF PREDISPOSITION TO CORRUPTION. PART II. VALUE-NEED DIAGNOSTICS OF HUMAN SPECIES SUSCEPTIBLE TO CORRUPTION

V.G. Morogin, Khakass State University named N.F. Katanov (Abakan, Russia).

Abstract. Offered in an article model of the human species susceptible to corruption is one of the implementations of applied theory of value and need sphere of the individual. The prototype of the system of value-need diagnostics of human species susceptible to corruption is the author's product of V.G. Morogin "Computer program of psychological diagnostics of ethnic identification and ethnic identity". Value-need diagnostics of the human species susceptible to corruption will allow to identify individuals who are prone to corruption, claiming to occupy leadership positions in public institutions, businesses and the media, and among the candidates for the deputies of all levels. Developed on the basis of its results technology "anti-corruption psychoprophylaxis" will eradicate corruption in government and public institutions.

Keywords: corruption psychodiagnostics, anti-corruption psychoprophylaxis, value-need sphere of individual (VNSI), public substructure of VNSI, generic substructure of VNSI, personally meaningful value, corruptive dangerous value, corruptive safe value, Simultaneous tachistoscopic exposition, successive tachistoscopic exposition, public corruptive profile, generic corruptive profile.

Проблема бессознательной мотивации поведения человека является центральной в теории ценностно-потребностной сферы личности, которая рассматривает как истинные побуждения бессознательные мотивационные интенции.

Ценностно-потребностная сфера – одна из подсистем личности (кроме нее еще есть аффективная, когнитивная и формально-динамическая), содержанием которой являются побудительные силы, обеспечивающие любые формы поведения. Ценности рассматриваются как формы, лишенные содержания, это только названия. Каждый индивид наполняет их своими потребностями, поэтому названия ценностей одни и те же, а их содержание у каждого человека разное. Структура ценностно-потребностной сферы личности у всех людей одна и та же, но содержание, которым она наполнена, определяется индивидуальным набором потребностей, который у каждого уникален.

Ценностно-потребностная сфера представлена двумя подструктурами – общественной и родовой. Общественная подструктура ценностно-потребностной сферы – набор универсальных форм, которые наполняются потребностным содержанием аттитюдов, формирующихся в процессе социализации под влиянием различных общественных институтов: образовательные и воспитательные учреждения, СМИ, реклама, TV, Интернет и т.п. Родовая подструктура ценностно-потребностной сферы – ценностные формы, содержанием которых являются родовые потребности. Потребности общественной подструктуры ЦПСЛ – продукт онтогенеза, родовые потребности – результат антропогенеза. Общественная потребность может стать родовой и закрепиться на генетическом уровне, если в течение, как минимум, 50 поколений будет постоянно формироваться родителями у своих детей. Но и в этом случае наследуется только форма – конкретное ее содержание индивидуально. Потребности, сформированные в онтогенезе одного поколения, наследственно не закрепляются.

В психологической литературе «потребность» и «ценность» нередко смешиваются, что ведет к неправильной трактовке того содержания, которое обозначается этими терминами. При их внешнем сходстве, потребность и ценность – разные понятия, и между ними есть существенные принципиальные различия:

Ценность только указывает на возможную неосознаваемую потребность и всегда выражена в слове, которое не принадлежит отдельному субъекту, а является достоянием всех людей; поэтому словом можно выразить только ценность, но не потребность.

Потребность всегда индивидуальна и конкретна, ценность же коллективна по своей природе и представляет собой обобщенное понятие.

Потребность никогда не оценивается, ценность же всегда подвергается социальной оценке.

Потребность – причина любого поведения, ценность служит его оправданию, поэтому причина поступка должна анализироваться в терминах потребности, а его атрибуция – с точки зрения его социальной ценности.

Хотя причинами поступков человека являются потребности, как только потребность обозначается словом, она подводится под ближайшую социальную категорию и заменяется наиболее подходящей для личности ценностью.

Из этих положений с очевидностью следует, что в психологическом эксперименте непосредственное изучение потребностей невозможно, они доступны лишь косвенному исследованию – через ценности. Примерно так же опосредованно Г. Фехнер измерял интенсивность ощущений силой воздействующего на орган чувств раздражителя.

Эти методологические постулаты и экспериментально полученные факты послужили основой для создания двух экспериментально-психологических методик: «Тахистоскоп» и «Калейдоскоп». Принципиальное различие между ними том, что в первом случае тестовые слова, обозначающие человеческие ценности, предъявляются симультанно (одновременно все), а во втором – сукцессивно (последовательно). Время предъявления каждого тестового стимула должно быть очень коротким и равным индивидуальному временному порогу тахистоскопической экспозиции. Другими словами, продолжительность экспозиции тахистоскопически предъявляемых стимулов – это такой временной интервал, в течение которого субъект способен опознать (но не воспринять) минимальное количество стимулов; в то же время, этот промежуток не должен быть слишком коротким, таким, что становится невозможным любое опознание. Это и есть порог индивидуальной тахистоскопической экспозиции. Величина его в человеческой популяции очень сильно

варьирует и зависит от многих физиологических, психологических и даже генетических факторов, поэтому порог тахистоскопической экспозиции для каждого субъекта, проходящего исследование с помощью тахистоскопических методик, должен измеряться индивидуально.

Эмпирические исследования выявили существование восьми универсальных ценностных блоков, обнаруживающихся в любом языке и зафиксированных в нем с помощью слов. Нет оснований рассматривать эти ценностные зоны как иерархически организованные, потому что реализация индивидуальности человека может осуществляться в любой из них. Технически процедура проводилась в несколько этапов:

Сначала был составлен список всех потребностей, которые имеют ценностные обозначения в русском языке. С этой целью из Толкового словаря С.И. Ожегова [10] были отобраны все слова-существительные, выражающие потребности и ценности.

После этого с помощью специального словаря был проведен синонимический анализ этого массива с целью исключения одинаковых по содержанию слов – из синонимического ряда, состоящего иногда из нескольких десятков слов, с помощью частотного словаря [14] выбиралось то, которое чаще всего употребляется в устной и письменной речи.

Затем отобранные слова были разбиты на 12 групп, исходя из длины слова: состоящие из 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 букв. В Толковом словаре С.И. Ожегова встречались и более длинные слова, обозначающие потребности или ценности (15- и 16-буквенные), но их оказалось недостаточно для группировки, осуществляемой на следующем этапе 7-ю экспертами, в роли которых выступили опытные психологи и педагоги.

Задача, которая ставилась перед ними, состояла в том, чтобы сгруппировать в классы слова разной длины: отдельно 3-буквенные, отдельно 4-буквенные и т.д. При этом ничего не говорилось ни о количестве выделяемых классов, ни о критериях, на основе которых следует осуществлять группировку – эксперты делали это спонтанно.

Этот этап исследования принес неожиданные, в какой-то степени шокирующие результаты: все без исключения эксперты распределили представленные для группировки слова различной длины в одинаковое число групп (8), причем содержательно эти группы у разных экспертов оказались практически идентичными. Создавалось впечатление, что

экспертам был заранее известен принцип классификации, хотя инструкция не содержала никаких намеков на то, каким образом осуществлять группировку; эксперты проводили ее исключительно спонтанно [4].

Но, если проанализировать результаты работы экспертов с позиции теории ценностно-потребностной сферы личности, то полученные данные легко интерпретируются. Восемь групп – это восемь родовых архетипических форм, которые изначально заложены в коллективном бессознательном каждого человека, но наполнены уникальным потребностным содержанием. Из этого факта логически выводится очень важное следствие: слова как элементы языка и речи отражают структуру человеческих потребностей и являются производными от них, но никак не наоборот. По-видимому, постановка вопроса о том, что было вначале – «слово» или «дело» – некорректна, потому что вначале было не «слово» и не «дело», а «желание».

Это положение подтверждает один важный постулат, выдвинутый еще в конце XIX века в работах Вундта, Лазаруса, Штейнталя, Дюркгейма, Тарда, Лебона [1; 3; 13], и развитый современными социальными психологами Х. Ортега-и-Гассетом и С. Московичи [9; 11]. Эти исследователи считали, что «общественное сознание» (в смысле – бессознательное «общественное сознание») возникло гораздо раньше индивидуального и что сознание отдельного человека выделилось из коллективного с исторической точки зрения недавно. По-видимому, восемь полученных на основе экспертных оценок ценностных групп представляют собой восемь глобальных архетипических форм, структурирующих индивидуальное содержание коллективного бессознательного любого человека. Вот почему эксперты неосознанно и спонтанно классифицировали ценности на основе именно этого критерия.

Итак, каждый из восьми эмпирически выделенных классов ценностей представляет самостоятельную зону ценностно-потребностной сферы личности любого человека и определяет одну из восьми возможных мотивационных тенденций. Конкретное содержание этих ценностных зон индивидуально, так как они могут наполняться разными потребностями.

Какие это зоны? Экспертиза проводилась в отношении ценностей, зафиксированных в русском языке, поэтому предлагаемые обозначения пока носят рабочий характер. Тем не менее, поскольку слова любого языка

отражают структуру человеческих потребностей и являются производными от них, эти ценностно-потребностные зоны должны носить универсальный для всех людей характер.

Гедонистическая (гедонизма-аскетизма) зона, в которую оказались включенными потребности, реализующие принцип удовольствия.

Зона безопасности, которая представлена потребностями, отражающими субъективную необходимость защиты от различных неблагоприятных воздействий.

Эго-зона, наполняемая потребностями, определяющими индивидуальные стремления и амбиции личности.

Экзистенциальная (общественно-политическая) зона, включающая в себя потребности, детерминирующие общественное и политическое поведение и отражающие отношение личности к власти и государству.

Аффилиативная зона, аккумулирующая потребности в межличностных взаимодействиях.

Когнитивная (интеллектуальная) зона, наполненная интеллектуальными и познавательными потребностями.

Ритуальная (подчинения-автономности) зона, в которой сосредоточены потребности, связанные с традициями и отправлением различных ритуалов, регламентирующих официальное поведение человека.

Трансцендентальная (духовная) зона, содержанием которой являются духовные потребности человека и потребности роста.

Эти зоны ценностно-потребностной сферы личности представляют структуру общественных ценностей (потому что выражены средствами языка как общественного продукта) и, одновременно, родовых архетипов (потому что все восемь классов ценностей выделены экспертами спонтанно). Полное совпадение потребностного содержания общественных и родовых ценностей – идеальный вариант, к которому должно стремиться любое общество. Но в реальной жизни всегда есть определенное рассогласование между общественными потребностями, которые государство транслирует гражданам в виде юридических и морально-этических нормативов, облеченных в форму государственных и нравственных законов, через социальные институты власти и СМИ, и содержанием родовых архетипов, генетически передаваемым из поколения в поколение в пределах конкретного этноса [4; 5].

Понятно, что в полиэтническом государстве привести систему общественных потребностей в полное соответствие с содержанием родовых архетипических форм гораздо труднее, если вообще возможно.

Но в психологическом исследовании важно другое – найти объективный способ фиксации структуры общественных и родовых ценностей для того, чтобы получить возможность сопоставить их друг с другом и выявить специфические особенности сочетания этих структур.

Индивидуальное соответствие потребностного содержания отдельной личности формальной подструктуре общественных ценностей отражает степень ее идентификации; аналогичное соответствие этого содержания родовой ценностной подструктуре будет определять уровень осознания идентичности.

Общественная подструктура ценностно-потребностной сферы личности может быть диагностирована с помощью симультанной тахистоскопической техники предъявления ценностей (тест «Тахистоскоп»). В этом варианте тахистоскопического метода все восемь ценностей предъявляются одновременно, поэтому субъект в этой ситуации, скорее всего, опознает самое социально значимое слово, то есть самую актуальную с общественной точки зрения ценность. В этом тесте отдельные ценности не оказывают никакого влияния друг на друга, потому что вероятность появления каждой из них в определенной точке визуального поля абсолютно одинакова. В результате 64 экспозиций выявляется статистически самый сильный ценностный аттитюд, то есть та группа потребностей, формой для которых служит наиболее часто актуализируемая ценность.

Ценность – это коллективная форма, наполненная индивидуальными потребностями личности, форма, одинаковая у всех людей, но содержательно уникальная у каждого человека.

В успешивной тахистоскопической процедуре, реализуемой в тесте «Калейдоскоп» слова-ценности предъявляются последовательно, и в силу этого каждая ценность оказывает влияние на опознание других. Так как в тахистоскопическом эксперименте нет восприятия из-за слишком короткого времени экспозиции, можно предположить, что должны работать иные, более глубинные механизмы. Вероятно, эти ценности-формы уже имеются в бессознательном человека, и субъект с большей вероятностью опознает те из них, содержанием которых являются потребности, оказывающие

наибольшее влияние на остальные ценностные зоны. В коллективном бессознательном в качестве таких ценностных форм выступают родовые архетипы. В сукцессивном эксперименте чаще других будет опознаваться наиболее «влиятельный» из них. Таким опосредованным способом с помощью сукцессивной тахистоскопической техники можно выявить родовую архетипическую подструктуру ценностно-потребностной сферы личности.

Косвенным доказательством этой гипотезы может служить феномен, отчетливо проявившийся в сукцессивных тахистоскопических экспериментах. В когнитивной психологии он носит название эффекта края или закона выпадения середины и свидетельствует, что первые и последние элементы сенсорного ряда лучше запоминаются. Но главное в том, что объясняется этот феномен с помощью двух механизмов – про- и ретроактивного торможения. Иными словами, лучше запоминаются те элементы, которые находятся в начале сенсорного ряда и повторяются большее количество раз (согласно парадигме Брауна-Петерсона эта информация имеет больше шансов перейти из сенсорной в кратковременную память), а также последние объекты ряда, в меньшей степени подвергающиеся интерференции со стороны других элементов. Это объяснение удовлетворительно для обычного процесса сознательного запоминания, но оно ничего не объясняет в случае кратковременного предъявления. Тем не менее, эффект края в сукцессивных тахистоскопических экспериментах отчетливо проявляется. Следовательно, помимо обычных мнестических процессов, протекающих на уровне сознания, существуют глубинные бессознательные механизмы, и материалом этих процессов служат не внешние раздражители, а содержимое глубинных архетипических структур.

Симультанная и сукцессивная тахистоскопические процедуры реализованы в форме интраиндивидуального многоуровневого эксперимента, в котором в качестве независимой переменной выступает структура ценностно-потребностной сферы личности. Восемь ценностных зон рассматриваются как качественные уровни независимой переменной, а зависимая оценивается как суммарное число опознаний каждой из восьми личностно значимых ценностей.

Основная проблема интраиндивидуального эксперимента –

минимизация эффекта последовательности – решена путем позиционного уравнивания уровней независимой переменной по методу сбалансированного латинского квадрата, потому что полное уравнивание привело бы к нереальному количеству экспериментальных проб [4].

Прототипом ценностно-потребностной диагностики человеческих видов, предрасположенных к коррупции, является компьютерная программа психологической диагностики этнической идентификации и этнической идентичности [2].

Таким образом, человек – не только уникальная индивидуальность, но и носитель потребностей, доставшихся ему от его предков, которые также наполняют универсальные ценностные формы. Другими словами, потребности человека индивидуальны, но, в то же время, специфичны, и эта специфика детерминирована принадлежностью индивида к одному из 4-х человеческих видов: человеческий род *Homo Sapiens* представлен двумя хищными (суперанималы и суггесторы) и двумя нехищными (диффузный – суггеренды и современные неоантропы) видами.

Поэтому для того, чтобы иметь полное представление о ценностно-потребностной сфере личности, необходимо исследовать не только индивидуальное содержание ее ценностных зон, но и выделить видовые специфические особенности ценностно-потребностного профиля. У каждого вида свой профиль, который и определяет видовую идентификацию и видовую идентичность человека. Первая отражается в профиле общественной подструктуры ЦПСЛ, вторая – родовой [5].

Можно предположить, что различия между хищными и нехищными субъектами должны обнаружиться в родовой подструктуре ЦПСЛ; общественная подструктура, потребностное содержание которой формируется под влиянием сходных социальных воздействий, будет иметь только количественные отличия.

Потомки хищной части человечества (суперанималы и суггесторы) врожденно склонны к агрессии и насилию, и это обязательно должно отразиться в их родовом профиле ЦПСЛ. Потомки адельфофагов тяготеют к физическому насилию, суггесторы – к психологическому.

У нехищных субъектов родовой профиль иного типа: в нем будут преобладать нехищные ценности. Социальное влияние, пропагандирующее хищное поведение и агрессию, и у нехищного диффузного индивида,

чрезвычайно податливого на интердикцию и внушение, способно сформировать агрессивные аттитюды, которые обязательно отразятся, но только в общественном профиле ЦПСЛ. Другими словами, у нехищного индивида может быть сформирована хищная идентификация, но у него в принципе не может быть хищной идентичности. Хищное поведение в этом случае может быть квалифицировано как социальная болезнь.

Если и общественный, и родовой профили ЦПСЛ представлены хищными ценностями, имеет место хищный реализованный тип поведения, не подлежащий коррекции. Хищные ценности, зафиксированные только в родовом профиле ЦПСЛ, свидетельствуют о потенциальной хищности, сдерживаемой и пока не проявляющейся в реальном поведении.

Если хищные ценности фиксируются только в общественном профиле ЦПСЛ, диагностируется хищное поведение, обусловленное аттитюдами, сформировавшимися под влиянием хищных социальных воздействий; эта социальная болезнь лечится методами психологической экспансии.

Если же в общественном и родовом профилях ЦПСЛ доминируют нехищные ценности, субъект не склонен к агрессии и насилию, и устойчив к агрессивным социальным влияниям. Такие профили ЦПСЛ характерны для самого молодого человеческого вида – современных неантропов.

«Гедонизм»; «безопасность»; «эго»; «экзистенциальная»; «ритуальная»; «трансцендентальная» – эти зоны ценностно-потребностной сферы личности являются значимыми для психодиагностики хищных и нехищных видов.

Диагностика хищного вида суперанималов должна опираться на анализ зон «безопасности»; «эго»; «экзистенциальной»; «ритуальной».

Хищный суггесторный вид может быть определен по значениям зон «гедонизм»; «эго»; «экзистенциальная»; «ритуальная».

Для нехищного диффузного вида диагностически значимыми являются зоны «безопасности»; «эго»; «экзистенциальная»; «аффилиативная» и «ритуальная».

Психологическая диагностика неантропов будет концентрироваться на анализе «гедонистической»; «экзистенциальной»; «когнитивной»; «ритуальной»; «трансцендентальной» ценностно-потребностных зон.

Поскольку возможность формирования высших психических функций

у человека обусловлена наличием у него новейших специфически человеческих структур, локализованных в лобных долях коры головного мозга, состояние ВПФ можно связать с принадлежностью к определенному человеческому виду. Следовательно, нейропсихологическая диагностика ВПФ также может использоваться для определения видовой принадлежности индивида. У хищных субъектов должны отсутствовать ВПФ, связанные с нравственной оценкой реальных действий.

Этнос не может быть отождествлен с хищным или нехищным человеческим видом, поскольку формирование этносов происходило уже после оформления хищных и нехищных человеческих видов в ходе дивергенции палеоантропов и ископаемых неолитов. Поэтому в каждой этнической группе есть как хищные, так и нехищные индивиды, разной является только их пропорция.

Этнос – это естественная общественная структура, формирующаяся из индивидов, занимающихся сходной деятельностью и проживающих на ограниченной территории в течение длительного времени в условиях внутриплеменных браков при отсутствии какой-либо миграции извне. Этнос определяется двумя группами характеристик – антропотипом и психотипом.

Антропотип – совокупность сформировавшихся в процессе становления и закрепившихся на генетическом уровне внешних физических и физиологических признаков, по которым можно безошибочно определить представителя этноса. Психотип – система архетипов родового бессознательного этноса, передаваемая от предков потомкам.

Никогда не следует путать национальное и этническое в человеке, поскольку, в отличие от этноса, нация – искусственное общественное образование, создаваемое властью и включающее, по крайней мере, несколько этносов. На территории России проживает более 200 этнических групп, а нация одна – россияне. Исторически нации создавались в результате захватнических войн, поэтому нацию нельзя считать добровольным объединением этносов.

Психологическая диагностика предрасположенности к коррупции тесно связана с принадлежностью индивида к одному из четырех человеческих видов. Особенности родовой мотивации хищных видов дают все основания предполагать у них врожденную предрасположенность к коррупции. В высшей степени такой диатез характерен для хищного вида

суггесторов, врожденно склонных к эгоизму, цинизму и психологическому насилию по отношению к представителям нехищных видов. Хищная родовая мотивация потомков адельфофагов-каннибалов легче всего реализуется в агрессии и физическом насилии, поэтому в их социальном поведении проявится склонность к насильственным преступлениям. Коррупционное поведение нехищных индивидов может быть только результатом социального научения под воздействием СМИ и различных институтов общественного влияния. Это приобретенные формы социального поведения, а потому могут быть скорректированы методами «антикоррупционной психотерапии».

Определить побудительные причины коррупционного поведения можно с помощью экспериментально-психологических методов, базирующихся на принципе тахистоскопического предъявления «коррупционно значимых» («коррупционно опасных» и «коррупционно безопасных») ценностей, составляющих содержание ценностно-потребностной сферы личности. Такая диагностика даст возможность количественной оценки прогноза, будет ли, например, кандидат в депутаты злоупотреблять своим статусом или претендент на чиновничью должность брать взятки, когда им станет, а будущий полицейский защищать права граждан или, наоборот, унижать и обирать их; станет ли журналист давать искаженную оценку общественным событиям в угоду личным или чьим-то корпоративным интересам, а бизнесмен – удовлетворять свои хищные потребности в обогащении за счет жестокой эксплуатации или разграбления общенародных природных богатств. Решение этих вопросов, безусловно, снизит социальную напряженность в стране. Это направление экспериментально-психологических исследований можно обозначить термином «коррупционная психодиагностика» [6; 7; 8].

Истинные причины коррупционного поведения можно диагностировать только в случае отключения сознательного второсинального контроля, что достигается путем использования техник тахистоскопического симультанного и сукцессивного предъявления личностно значимых «коррупционно опасных» и «коррупционно безопасных» ценностей. В противном случае определение «мотивов коррупционного поведения» будет сведено к речевому оправданию (самоатрибуции) человеком своих поступков. Компьютерная система

экспериментально-психологических методов «коррупционной психодиагностики» предназначена для количественной оценки истинных побуждений в различных сферах человеческой деятельности государственного значения. «Антикоррупционная психопрофилактика» опирается на результаты «коррупционной психодиагностики», она должна включать в себя систему специальных мероприятий и практических приемов возможной психокоррекции коррупционных форм поведения. «Антикоррупционная психопрофилактика» – естественное продолжение «коррупционной психодиагностики», ее главная цель – не допустить в коррупционно опасные сферы деятельности склонный к коррупции контингент, а также удалить из этих сфер должностных лиц, страдающих такой склонностью.

Это принципиально новый психологический подход к решению проблемы противодействия коррупции и борьбы с коррупционной преступностью в системе государственного, общественного и политического управления, основанный на возможности выявления истинных неосознаваемых причин социального поведения человека. Если система мер «коррупционной психодиагностики» и «антикоррупционной психопрофилактики» будет реализована в масштабах страны, это позволит в течение ближайших лет искоренить это позорное для России явление.

Литература:

1. Вундт В. Психология народов. Спб., 1992. 356 с.
2. Компьютерная программа психологической диагностики этнической идентификации и этнической идентичности. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014515606 от 29.05.2014.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 316 с.
4. Морогин В.Г. Теория и методы исследования ценностно-потребностной сферы личности // Гуманитарные науки и образование в Сибири. №3. Новосибирск, 2009. С.12-28.
5. Морогин В.Г. Психологическая концепция идентичности. Сибирский педагогический журнал. №11. Новосибирск, 2011. С. 233-254.
6. Морогин В.Г., Ширяева А.А., Мазилев В.А. Методологические основы исследования коррупции: ценностно-потребностный подход // Методоло-

гия современной психологии. Вып. 5. / Сб. под ред. В.В. Козлова, А.В. Карпова, В.А. Мазилова, В.Ф. Петренко. М-Ярославль: ЯрГУ; ЛКИИСИ РАН; МАПН, 2015. С. 113-146.

7. Морогин В.Г. Антропсихологические основания ценностно-потребностной диагностики предрасположенности к коррупции. Часть I Антропсихологические детерминанты коррупционного поведения // Наука. Мысль. – 2016. – № 9. URL: www.enews.esrae.ru/46-568 (дата обращения: 10.10.2016).

8. Морогин В.Г. Антропсихологические основания ценностно-потребностной диагностики предрасположенности к коррупции. Часть II Ценностно-потребностная диагностика человеческих видов, предрасположенных к коррупции // Образование в этнополикультурной среде: состояние, проблемы, перспективы Материалы VI Международного молодежного научно-культурного форума. 2016. С. 341-347.

9. Московичи С. Наука о массах // Психология масс. Хрестоматия / Ред. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах, 1998. С. 397-534.

10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, Изд. 4-е, доп., 2006. - 944 с.

11. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Психология масс. Хрестоматия / Ред. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах, 1998. С. 195-314.

12. Образование в этнополикультурной среде: состояние, проблемы, перспективы Материалы VI Международного молодежного научно-культурного форума / 2016.

13. Тард Г. Социальная логика. СПб.: СПЦ, 1996. 558 с.

14. Частотный словарь русск. языка / Под ред. Л.Н. Засориной. – М.: Русский язык, 1977. – 936 с.

References:

1. Vundt V. Psihologija narodov. Spb., 1992. 356 s.
2. Komp'juternaja programma psihologičeskoj diagnostiki jetniceskoj identifikacii i jetniceskoj identičnosti. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlja JeVM № 2014515606 ot 29.05.2014.
3. Lebon G. Psihologija narodov i mass. SPb.: Maket, 1995. 316 s.
4. Morogin V.G. Teorija i metody issledovanija cennostno-potrebnostnoj

sfery lichnosti // Gumanitarnye nauki i obrazovanie v Sibiri. №3. Novosibirsk, 2009. S.12-28.

5. Morogin V.G. Psihologicheskaja koncepcija identichnosti. Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. №11. Novosibirsk, 2011. S. 233-254.

6. Morogin V.G., Shirjaeva A.A., Mazilov V.A. Metodologicheskie osno-vy issledovanija korruptcii: cennostno-potrebnostnyj podhod // Metodologija sovremennoj psihologii. Vyp. 5. / Sb. pod red. V.V. Kozlova, A.V. Karpova, V.A. Mazilova, V.F. Petrenko. M-Jaroslavl': JarGU; LKII SI RAN; MAPN, 2015. S. 113-146.

7. Morogin V.G. Antropopsihologicheskie osnovanija cennostno-potrebnostnoj diagnostiki predraspolzhenosti k korruptcii. Chast' I Antropopsihologicheskie determinanty korruptcionnogo povedenija // Nauka. Mysl'. – 2016. – № 9. URL: wnews.esrae.ru/46-568 (data obrashhenija: 10.10.2016).

8. Morogin V.G. Antropopsihologicheskie osnovanija cennostno-potrebnostnoj diagnostiki predraspolzhenosti k korruptcii. Chast' II Cennostno-potrebnostnaja diagnostika chelovecheskih vidov, predraspolzhenykh k korruptcii // Obrazovanie v jetnopolikul'turnoj srede: sostojanie, problemy, perspektivy Materialy VI Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchno-kul'turnogo foruma. 2016. S. 341-347.

9. Moskovichi S. Nauka o massah // Psihologija mass. Hrestomatija / Red. D.Ja. Rajgorodskij. Samara: Bahrah, 1998. S. 397-534.

10. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovij slovar' russkogo jazyka. M.: ITI Tehnologii, Izd. 4-e, dop., 2006. - 944 s.

11. Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass // Psihologija mass. Hrestomatija / Red. D.Ja. Rajgorodskij. Samara: Bahrah, 1998. S. 195-314.

12. Obrazovanie v jetnopolikul'turnoj srede: sostojanie, problemy, perspektivy Materialy VI Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchno-kul'turnogo foruma / 2016.

13. Tard G. Social'naja logika. SPb.: SPC, 1996. 558 s.

14. Chastotnyj slovar' russk. jazyka / Pod red. L.N. Zazorinoy. – M.: Russkij jazyk, 1977. – 936 s.

— ● —

Сведения об авторе

Владимир Григорьевич **Морогин**, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и клинической психологии; директор научно-образовательного центра экспериментальной психологии личности, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова; действительный член Международной академии психологических наук (Абакан, Россия).

